

**Легенда о святом Сисинии:
интерпретации в народно-православных верованиях у славянского населения и коми Урало-Сибирского региона (конец XIX – начало XX в.)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении сюжета о демонице-оборотне в христианских апокрифах и в фольклоре. От этого образа может происходить ряд образов славянской демонологии (*стрига, вещица* – демоница, колдунья, превращающиеся в птиц). Автор устанавливает связь этого образа со зловещей птицей (вороной, сорокой) – распространенным образом в фольклоре коми.

The paper deals with the problem of the relations between the motif of demonic woman-turnskin in christian apocrypha and in folklore. The image of the demon may underlie a number of images of slavic demonology (*stryga, veschunya* - the demonic woman, witch, transforming herself into a bird). The author reveals that this image is related to the ominous bird (*crow, magpie*) whose images are frequent in the Komi folklore.

Ключевые слова: Урало-Сибирский регион, славянское население, коми, христианские апокрифы, *стрига, оборотень, ворона, сорока.*

The region of Ural and Siberia, slavic population, Komi nation, christian apocrypha, *tryga, turnskin, crow, magpie.*

УДК: 398.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. E-mail: olga-11100@yandex.ru.

В византийских и славянских апокрифах существуют различные варианты легенды о святом Сисинии, в которых повествуется о том, как злое демоническое существо в женском облике похищало новорожденных детей у женщины по имени Мелитина. Ее братья Сисиний и Сисинодор преследовали этого демона и впоследствии обезглавили. Поверженный демон обещал избегать того человека,

который будет иметь запись его имен или произнесет молитву Сисиния³⁷. В некоторых вариантах греческих апокрифов эта женщина-дьявол именовалась Гилло [Мансветов 1881: 24–36; Соколов 1889: 339–368; Веселовский 1895: 226–234]. Известно также народное поверье греков о существовании мифической женщины Гилло, которая привидением являлась к младенцам и пожирала их, или истребляла детей еще в зародыше [Мансветов 1881: 25–26]. В образе демонической девицы-упыря Геллы этот персонаж вошел в роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: безобразный шрам, «укарашавший» шею Геллы – это след отсечения ее головы Сисинием.

Возможно, демоница Гилло явилась прообразом южнославянской *вещицы*, а затем представления о последней были восприняты русскими (очевидно, посредством русско-болгарских контактов). Мотив «отрубленной головы», вероятно, нашел видоизмененное отражение у южных славян в обряде «задабривания» *вещиц*: на масленицу их «прикармливали», бросая голову от зарезанной накануне курицы [Агапкина 2002: 384]. Образ демона в женском облике, пожирающего новорожденных детей, очевидно, явился результатом синкретизма апокрифов и языческих верований. Наиболее известен апокриф «*Testamentum Solomonis*» – отрывок из древней халдейской магии (дошедший в средневековой переработке). Он знакомит с целой системой духов и направленных против них заклинаний: Соломон, получивший от Бога магическую печать, держал в повиновении демонов и отражал их нападение на людей³⁸. О злобной ведьме *Гилу* говорилось в византийском сказании, переведенном Аллацием в трактате «*De quorundam graecorum opinationibus*»; о ней же в IX в., в биографии патриарха Тарасия, упоминал дьяк Софийской церкви (впоследствии ставший митрополитом) Игнатий [Мансветов 1881: 25–26].

Отсеченная голова Гилло могла «ожить» в славянских верованиях в облике бесхвостой сороки, в ряде регионов известной под названием *вещица*³⁹. Характерные метаморфозы отличали *вещицу* от прочих ведьм: при превращении в сороку она отделяла верхнюю часть своего туловища от нижней, оставляя нижнюю часть тела дома; летала только ее голова с руками-крыльями [Неклепаев 1903: 53–55]. Важным моментом, объединяющим *вещицу* и демона Гилло, являлась способность последней принимать зооморфный или орнитоморфный облик: «...существо это – диавол, оно носит различные имена, действия его описываются сравнениями с различными зверями, птицами, гадами; существо это способно принимать образы этих зверей, птиц, гадов» [Соколов 1889: 343]. В византийских текстах в качестве имен демоницы Гилло перечисляются эпитеты, в числе которых – «летающая», «растягивающаяся», «вытягивающая душу», «удушающая детей», а ее тринадцатое полуимя звучит как *стрига* – «стрига» (ведьма, оборотень) [Мансветов 1881: 33]. Следует отметить, что известные в славянском мире демонические существа *стриги* представлялись в орнитоморфном образе. Например, русские верили в *стригу* «в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями» [Максимов 1994: 57].

Обращение ведьмы в сороку или ворону, возможно, связано с негативным отношением к этим птицам (обусловленным их некоторыми природными качествами), которое прослеживается в мифологических воззрениях славянских и ряда финно-угорских народов (коми, мордвы и др.). *На свете все птицы божественные, а от этих (сороки и вороны) колдовство пошло. Они как черти зловердые* (ПМА: НСО, Искитимский р-н, с. Нижний Коён (русские), 1999). *В сороку колдуньи превращаются, летают, высматривают – кого испортить. А вороны каркают неприятно. Некоторые считают, что они своим криком людей на тот свет зовут* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневичи (поляки), 2005). *Бог за грехи проклял трех птиц: сороку, ворону и кукушку. Ворона с сорокой не раскаялись, в услуженье к сатане пошли. Когда страшный суд будет, все птицы в рай попадут, а ворона с сорокой сгорят в геенне огненной* (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибер-Спасск (коми-зыряне), 2001).

Колдуньи, превращающиеся в сороку (ворону), в славянских мифологических представлениях имели особый статус. Они считались более сильными, чем их соратницы, оборачивающиеся иными животными или предметами. Например, в тульской бывальщине, парня, читающего псалтырь, про-

³⁷ Молитва святого Сисиния использовалась также против двенадцати трясовиц (лихорадок) – демонов в женском облике, воплощавших различные болезни.

³⁸ Примечательно, что духи в данном трактате привязаны к двенадцати знакам зодиака. Демоница Гилло, согласно византийским текстам, имеет двенадцать имен и тринадцатое полуимя, которые можно трактовать как лунные месяцы (а полуимя – разность лунного и солнечного года) [Мансветов 1881: 26, 32–35].

³⁹ Этот образ более всего распространен в южнославянской демонологии; известен также западным и восточным славянам. Наименование колдуний-оборотней *вещицами* (*вѣштицами*, *вещейками*, *вещуньями*) в России зафиксировано в Архангельской, Орловской, Вятской, Самарской, Оренбургской, Пермской, Томской областях; на севере Западной Сибири и в Забайкалье.

стые ведьмы не могли увидеть. Они призвали на помощь *Кривую*, которая, прилетев сорокой, нашла парня [Колчин 2002: 423–424]. Упоминания о ведьмах-сороках встречаются в историко-литературных памятниках: их заклинали митрополит Алексей, Иван Грозный; в сороку будто бы обратилась Марина Мнишек [Власова 1998: 82–83]. На рубеже XIX–XX вв. были записаны рассказы русского населения о *вещице* в Сургутском крае [Неклепаев 1903: 51–58], во второй половине XX в. – в Забайкалье [Зиновьев 1987: 150–155]. Помимо превращения в сороку (реже – в ворону или курицу), отличительной чертой *вещицы* (и демона Гилло) являлось поедание младенцев или еще нерожденных детей, которых они вынимали из утробы. Соответственно, наибольшую опасность сороки-вещицы представляли для беременных женщин и маленьких детей (некрещеных или беззубых, т.е. лишенных магической защиты, еще не принадлежащих к миру людей в полной мере). «Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к ней не должно: это ведьма, которая испортит или даже выкрадет из утробы ребенка» [Даль 2002: 50–51]. Подобные воззрения о «неприятных» птицах (сороке, вороне) сохранились до наших дней, что подтверждено этнографическими материалами, полученными во время полевых исследований у различных групп восточнославянского населения, а также у поляков, мордвы и коми в Приуралье и Западной Сибири. *Беременную женщину сорока может сглазить: будет выкидыш* (ПМА: НСО, Мошковский р-н, пос. Мошково (белорусы), 2002). *Нельзя, чтобы маленького ребеночка ворона и сорока видели. Сглазить могут: будет тогда (ребенок) несчастлив, рано умрет* (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, с. Имшегал (коми-зыряне), 2001).

Еще одна особенность *вещицы*, отличающая ее от прочих ведьм, состояла в ее незащитности перед мужчинами, а также в боязни соприкосновения с мужскими вещами, среди которых особенно выделялся пояс (мужской сакральный атрибут). Считалось, что *вещица* не могла прикоснуться к беременной женщине, которая спит с мужем. В отсутствие мужа жене следовало на ночь подпоясываться его поясом, чтобы не лишиться находящегося в чреве плода [Неклепаев 1903: 54–55; Зиновьев 1987: 150–155]. Разоблачить *вещицу* мог только мужчина, сняв штаны и глядя на нее промеж ног: тогда *вещица* падала на землю и превращалась в женщину [Неклепаев 1903: 53]. Боязнь *вещицами* мужчин и их вещей, видимо, также связана с апокрифической легендой о святом Сисинии, погубившем демона Гилло. *Ведьму, которая в сороку превращается, ловили мужским поясом. Делали петлю, затягивали как-то. Простой веревкой ее нельзя поймать* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, д. Гриневицы (поляки), 2005). *У нас парень был... Идет как-то вечером, по темноте, а за ним сорока скачет. Он в нее шапку кинул, накрыл. Хотел голову свернуть, а она как закричит человеческим голосом: - Что хочешь, проси, не убивай! А он узнал ее: в крайнем доме жила старуха. Ну отпустил, зажил потом крепко, богато. А так и не женился. Утонул потом в озере, молодой еще* (ПМА: НСО, Искитимский р-н, д. Михайловка (украинцы), 2000). Примечательно, что мужские вещи могли использоваться для отпугивания обычных ворон и сорок. *Сороки и вороны мужского пота не любят. Когда цыплята во дворе, портянки вешали* (ПМА: Омская обл., Оконешниковский р-н, с. Золотая Нива (коми-зыряне), 2001).

Негативное отношение к сороке у славянских и некоторых финно-угорских народов (в частности, у коми) прослеживается практически повсеместно, даже в тех селениях, где рассказы о *вещице* не знакомы. В представлениях коми сорока и ворона считаются опасными для новорожденных детей, потому что эти птицы «состоят на службе» у *лешаков* – демонических, враждебных человеку хозяев леса. Прилетая в поселки, они «выслеживают» оставленных без присмотра малюток и сообщают о них *лешакам*, которые «меняют» младенцев на своих детей или на заколдованные неодушевленные предметы: веник, полено, чурку. Былички о «подмешах» широко распространены у северных коми. *Сороки урсят. Опасные птицы, особенно для детей. Если еще не окрестили, родителям следить нужно, чтобы ребенка в лес не унесли. А то бывали случаи. Нечистая сила детей меняет* (ПМА: Респ. Коми, Ижемский р-н, с. Бакур, 2003). *Сороки даже подменяли младенцев. Унесут в лес, а вместо положат полено или чурку. А родители-то не знают. Им так глаза отведут, что им кажется, что ребенка нянчат. Потом спохватятся, а уже поздно. Ребеночка-то сорока в лес уносит, там его лесные люди воспитывают* (ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). *Если в окно или в трубу прострекочет сорока, с ребенком может случиться припадок* (ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004). Эти материалы могут свидетельствовать о связи мифологических представлений о сороке-птице с ведьмой-оборотнем *вещицей*, хотя последняя в современных быличках коми не упоминалась (как и не говорилось о поедании сорокой младенцев). Тем не менее единая природа мифов о сороке и *вещице* в регионе Северного Урала и Нижнего Приобья очевидна: подобные представления проецировались на сороку-птицу.

Таким образом, носители традиционной культуры этнолокальных групп славянских (русские, украинцы, белорусы, поляки) и финских (коми, мордва) народов, переселившихся в Сибирь из различных регионов, сохранили характерный комплекс представлений о ведьмах-*вещицах*. Следует отметить, что

ведьма как персонаж демонологии известна повсеместно. *Вещица* же имеет локальное распространение. Тем не менее даже в тех местах, где сведения о *вещицах* не зафиксированы, достаточно четко прослеживается негативное отношение к сороке – как к ее частному воплощению. Вероятно, отношение к этим птицам, как и к ведьмам / вещуньям, изначально не было негативным. Скорее всего, ворона и сорока, считаясь проводниками душ (причем в двух направлениях: с *того света* на *этот* и обратно), могли быть тотемными персонажами, воплощениями душ предков. Более позднее восприятие смерти как демонического персонажа, пожирающего души, вероятно, породило верования в сороку-ведьму или демона Гилло, похищающих зародышей или новорожденных младенцев (беззубых, некрещеных) – т.е. существ, принадлежащих иному миру, находящихся на границе демонического и человеческого бытия. Колдуньи-оборотни, сохранившие связь с языческими культами, обрели статус отрицательных персонажей уже на позднем этапе развития их мифологических образов. С одной стороны, это можно объяснить влиянием христианской веры, с другой – их принадлежностью к иному миру: чуждому, потустороннему (незнакомому и опасному для человека) пространству.

В целом, детальное изучение мифологических представлений о вороне и сороке у славянских и финно-угорских народов может стать основой для реконструкции обширного пласта архаичных верований, связанного с женскими культами. Легенда о святом Сисинии может рассматриваться как символ доминанты мужского начала в качестве светлых, божественных сил, побеждающих воплощение смерти в женском демоническом образе. Очевидно, ее распространение среди славянских и финно-угорских народов стало результатом не только христианизации, но и более раннего пласта смены культурно-мировоззренческих традиций: перехода от женских культов к мужским.

НСО – Новосибирская область

ПМА – Полевые материалы автора

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской области

ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Веселовский А.Н. Молитва св. Сисиния и Верзилово коло // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1895. С. 226–234.

Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.

Зиновьев В.П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

Колчин А. Из статьи «Верования крестьян Тульской губернии» (1. Ведьмы, колдуны и колдуньи) // Русское колдовство. М.; СПб.: Эксмо; Terra Fantastica, 2002. С. 417–438.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Полисет, 1994. 448 с.

Мансветов И.Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясовицах // Древности: Тр. МАО. М., 1881. Т. IX. Вып. 1. С. 24–36.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. Зап.-Сиб. отдела Имп. РГО. Омск, 1903. Кн. XXX. С. 29–230.

Соколов М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1889. № 6. С. 339–368.